

Е.В. Сеницына

Волгоградский государственный
педагогический университет

О РАЗВИТИИ ПОЛИСЕМИЧНОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Актуальные вопросы истории
развития русского языка*

В научной литературе существуют очень разные, вплоть до диаметрально противоположных, точки зрения на семантические характеристики приставок.

Некоторые исследователи считают ошибочным в принципе мнение о том, что у приставок имеются реальные смысловые значения, и, соответственно, то, что почти все приставки русского языка многозначны. Так, Е.С. Кубрякова пишет следующее: «В теории слово-образования широко представлено мнение о том, что носителем словообразовательного значения является словообразовательный аффикс или другой деривационный формант. Мы обосновываем иную точку зрения. Поскольку реализация словообразовательного значения связывается нами со всей морфологической структурой деривата, само значение оказывается зависимым не только от выбора деривационного средства, но и от выбора источника наименования: оно равно обусловлено как ономазиологическим базисом и ономазиологическим признаком производного, так и типом устанавливаемой между ними связи» [Кубрякова, 1981: 4]. Сходную позицию имеет и И.С. Улуханов, раскрывая её, например, рассматривая приставку *пере-*: «Глаголы, с приставкой *пере-*, означающие действие, направленное из одного места в другое через предмет или пространство (*переехать*, *перенести*, *пересесть* и т.п.), мотивируются глаголами, означающими перемещение. Это не только глаголы конкретно-физического движения, которые составляют абсолютно преобладающее большинство мотивирующих слов и с которыми сочетаются практически все приставки в локальном значении, но и глаголы, обозначающие перемещение сигналов информации, например, *пересказать*, *перетелеграфировать*. Конкретные разновидности общего значения приставки *пере-* — значения перемещения — не влияют на значение приставки *пере-*, которое остаётся тем же самым, как в глаголах движения, так и в глаголах, обозначающих иные действия, которые могут быть направлены. Сама приставка отнюдь не обозначает движения (как часто утверждается в исследованиях), а лишь указывает определённое направление для выраженного мотивирующим глаголом» [Улуханов, 1977: 223].

На наш взгляд, подобная точка зрения слишком категорична и по сути не верна. Исходя из приведённых выше утверждений названных исследователей, можно сделать вывод о том, что каждая приставка имеет только одно значение. Но приведённые самими учёными примеры опровергают это предположение: у глаголов *переехать* и *пересказать* (как и у мотивирующих их бесприставочных глаголов *ехать* и *сказать*) слишком мало

сходного в семантике, собственно, только общее категориальное значение процессуальности. Соответственно, и префикс *пере-* здесь употреблён в разных значениях и имеет разную сочетаемость. В первом случае он присоединяется к глаголу движения и имеет значение 'направленность действия из одного места в другое', а во втором — к глаголу коммуникации, скорее всего, в значении 'повторение действия заново'. Мы не можем говорить конкретно, потому что значение префикса *пере-* даже в употреблении с одним и тем же глаголом (в данном случае — *сказать*) может варьироваться. Без контекста непонятно, какое из трёх значений производного глагола (*пересказать*) — 'изложить своими словами прочитанное или услышанное', 'рассказать заново, ещё раз что-либо уже рассказанное', 'рассказать всё, многое' [МАС, т. III: 95] — имел в виду И.С. Улуханов. В самом общем смысле все они отражают некое «перемещение сигналов информации», что вовсе не говорит об одном и том же оттенке значения, придаваемом именно приставкой.

Таким образом, считая несостоятельной теорию о наличии у приставок единственного значения, мы присоединяемся к точке зрения В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, Б.Н. Головина и многих других авторитетных лингвистов и считаем, что прав был Н.В. Крушевский, выделяя в производных приставочных глаголах два центра — собственно глагольную основу и приставку: «Относительно такого слова, как *перенести* можно сказать, что оно имеет два центра: главный *-нести* и второстепенный *пере-*, основное значение сообщается частью *-нести*, его оттенок — частью *пере-*» [Крушевский, 1998: 152]. О.И. Дмитриева, относя это замечание к числу «перспективных идей», поясняет его: «Префиксальный глагол, таким образом, может рассматриваться как внутренняя синтагма, состоящая из двух структурных компонентов: производящей основы и словообразующего форманта — и связанная с двумя понятийными рядами одновременно — по семантике префикса и по семантике мотивирующего глагола» [Дмитриева, 2002: 80]. Кроме того, Н.В. Крушевский отмечал и особую роль приставок по сравнению с другими аффиксами: «В противоположность суффиксу префикс имеет почти всегда определенное значение, т. е. он сообщает слову главным образом один какой-нибудь оттенок», а по отношению к производящему глаголу «...мы видим здесь тот же принцип сочетания, что в языках агглютинативных» (Там же). Логично подтверждает мысль учёного и тот факт, что префиксы исторически восходят к вполне самостоятельным словам, а следовательно, могут и должны сохранять свои собственные значения, которые в современном русском языке (и в других славянских языках) предстают в качестве оттенков значения, придаваемых префиксами глаголу. И то, что приставки изменяют значение слова, являясь словообразующими аффиксами, сомнений, на наш взгляд, не вызывает, как не вызывает их и тот факт, что приставки многозначны.

Уточним общий механизм возникновения разных значений у префиксов (без учёта значения предельности, которое имеет особую историю возникновения, к которой в данной работе обращаться нецелесообразно).

В праиндоевропейском языке, как указывали исследователи индоевропейских и славянских языков, в частности А. Мейе, И.М. Тронский, А. Вайан, имелись неизменяемые слова, близкие к наречным, — реляционные элементы, которые были самостоятельны и по отношению к имени, и по отношению к глаголу. Их значения носили пространственный характер.

Постепенно стали появляться значения отвлечённые, которые возникали по принципу метафорического переноса, наподобие того, как возникают переносные значения в лексике: то есть если приставка *из-/ис-*, к примеру, имела в качестве пространственного значения 'удалить(ся) из чего-нибудь' (образно говоря — значение 'вон, прочь') — *изгнать, истечь*, то впоследствии это значение вполне могло быть переосмыслено до одного из также имеющихся в современном русском языке значений этой приставки, которое можно выразить как 'уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить на что-нибудь' *исписать, извязать, измазать*. Примерно таким же образом и появлялись многообразные значения у всех приставок, и поскольку переосмысление первичного значения могло идти не одним путём, могло быть очевидным или таким сложным, что с позиций современного русского языка порой практически невозможно уловить ту грань, которая связывает значения одной и той же приставки воедино, то сейчас в русском языке у некоторых префиксов насчитывается до десяти значений (к таким относятся приставки *за-* и *пере-*) [РГ, 1980: 355 — 375], хотя можно выделить и больше оттенков, если считать за отдельные значения даже малозначительные изменения в смысле.

То, что не только во всех славянских языках, но даже и в других индоевропейских языках, не столь близких русскому, как славянские, обнаруживаются одинаковые значения аналогичных префиксов, прямо указывает на то, что основные свои смыслы приставки приобрели очень давно, в праиндоевропейскую эпоху. Так, Э.А. Галнайтите рассматривает глаголы с приставкой *по-* в русском и литовском языках и выделяет семь (!) общих значений и лишь два значения, которые имеются только в русском языке [Галнайтите, 1959: 9 — 12].

Таким образом, из первичных пространственных значений у каждой приставки появились другие, более абстрактные значения, связанные какой-либо общей семой, определяющейся по изначальному значению. Однако это лишь одна из точек зрения на вопрос о полисемичности префиксов. С ней согласны исследователи Э.М. Архангельская, Е.И. Самохвалова, И.А. Воробьёва.

Признавая первичность пространственных значений, другие лингвисты (например В.Б. Силина) считают, что некоторые из своих вторичных значений приставки получают следующим образом: сначала прохо-

дит этап десемантизации, а затем семантического «заражения» от основ определенной ЛСГ глаголов, к которым эти приставки присоединялись. Затем новое значение закреплялось за приставкой, и она могла нести его вполне «самостоятельно», наряду со своим пространственным значением и другими, из него возникшими.

Первый подход нам кажется более верным, т. к. при анализе глагольных приставочных образований русского языка действительно возможно выделить у каждой приставки ту общую сему, которая присутствует в каждом значении префикса, начиная с первичного пространственного, хотя она может быть и скрыта в реальной дефиниции значений приставки. Например, для приставки *из-*, как мы говорили, — это сема 'вон, прочь', для *в-* — 'внутри' и т.д.

Имеются и другие сложности, не вписывающиеся в общую схему случаи. Один из них — это то, что у многих приставок (а именно у семи — *вз-*, *вы-*, *из-*, *на-*, *от-*, *пере-*, *про-* или даже у восьми, если учитывать похожее значение префикса *пре-*) имеется значение 'интенсивно совершить действие, названное производящим глаголом' (ср., напр.: *взмокнуть, вымокнуть, промокнуть, перемокнуть*) с небольшими отличиями в оттенках смысла, и это значение в силу своей абстрактности не только в принципе мало соотносится с любым пространственным значением, но и имеется у таких разных по смыслу префиксов.

Итак, почти все префиксы современного русского языка полисемичны, и все их значения развились из первичных пространственных значений слов особой части речи индоевропейского языка, из которых впоследствии образовались современные предлоги и приставки.

Литература

Галнайтите Э.А. Глаголы с приставкой "по-" в русском литературном языке XIX–XX веков (соотносительно с родственными по образованию литовскими глаголами): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1959.

Дмитриева О.И. Развитие идей Н.В. Крушевского в области префиксального глагольного словообразования // Николай Крушевский: научное наследие и современность : материалы Междунар. науч. конф. «Бодуэновские чтения». Казань : Новое знание, 2002.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М., 1981.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. М., 1983.

Русская грамматика : в 2 т./ редкол.: Н.Ю.Шведова (гл. ред.) [и др.]. Т. 1. М. : Наука, 1980.

Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М. : Наследие, 1998.